

Институциональная среда российской Системы

Национальная экономика как система поддерживается и развивается постольку, поскольку существуют и действуют многообразные предпринимательские структуры – фирмы, корпорации, домашние хозяйства, предприятия и их различные объединения, которые руководствуются наборами определенных правил и находятся в рамках относительно устойчивой, хотя и меняющейся институциональной среды. Эта институциональная среда всегда есть некая совокупность институтов, т.е. правил игры, форм собственности, организационных форм, нормативов, законов, обычаев, условий для их реализации и т.д. и т.п., поскольку список этот может быть очень длинным.

Институты и институциональная база развития

Институты, как исходное, базисное понятие в характеристике институциональной среды, однако, не являются лишь простой клеточкой ткани, составляющей институциональную среду. Понятие институты само является многосмысленным, сложным и может трактоваться в широком диапазоне представлений о нем, в том числе в зависимости от предпочтений тех или иных авторов. Сегодня в литературе наиболее распространенной является трактовка институтов, предложенная лауреатом Нобелевской премии по экономике Дугласом Нортом.

По его определению, институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми¹. В масштабах национальной экономики облик и особенности институтов задаются государством и само государство можно представить как совокупность институтов или как рамочный институт.

---

¹ Д. Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики\ Пер. с англ. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997, с.17.

Совокупность правил, норм и рамочных общественных условий в стране, определяющую диапазон возможностей в поведении хозяйствующих субъектов применительно к конкретному этапу истории можно определить как *институциональную базу* функционирования и развития экономики. Институциональная база – это система форм собственности в стране, это свод законов и других правовых норм, затрагивающих экономику, это характерные для страны обычаи, писанные и неписанные правила поведения, нормы морали, нравственности и др.

Несмотря на уже достаточно продолжительную историю своей жизни в науке понятие «институты» неоднозначно и допускает широкий диапазон определений и трактовок. Так, Дж.Коммонс определял институты как коллективный контроль индивидуального поведения, Э.Дюркгейм связывал с этим понятием коллективное верование и способы поведения, М.Дуглас – всяческие легитимные общественные объединения. Углублению анализа институтов послужило распространение в 2000-е годы научного направления (А.Орлеан, Р.Сале, О.Фавро и др.), получившего название «экономика конвенций», которое стало результатом междисциплинарности анализа, т.е. активного взаимодействия экономистов, социологов, историков и др. Сторонниками этого направления подчеркнута важность не только правил, а и их интерпретаций, а также соглашений и ожиданий участников. Введенное в оборот понятие «конвенции» при этом трактуется как *схема интерпретации правил*.

«Институты, – утверждает Д.Норт, – невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием»². Но при всем том институты имеют также материальное содержание, хотя бы в том отношении, что они оказывают огромное влияние на экономику и ее результаты. Особое значение

---

² Там же, с. 137.

при институциональном анализе придается *отношениям собственности* и их влиянию на условия экономической деятельности и жизненные блага. Действительно, отношения собственности – центральный пункт всех экономических отношений, ими определяется тип, характер и результативность экономики. Разумеется, отношения собственности неотделимы от их носителей – людей, их коллективов, предприятий, организаций.

Собственность в экономической литературе определяется как исторически развивающиеся общественные отношения по поводу распределения и присвоения благ и факторов жизнедеятельности, описывающие их принадлежность субъекту, у которого имеется исключительное право на распоряжение, владение и пользование объектом собственности. Отношения собственности задают собою ключевые характеристики институциональной базы экономики, придают системе институтов устойчивость.

В аспекте институционального анализа отношений собственности весьма важны правовые формы этих отношений. Поэтому экономическое понятие собственности неизбежно включает в себя правовой компонент, хотя в литературе и подчеркивается факт принципиальных различий между экономической и юридической трактовками собственности на уровне теории. При институциональном подходе, однако, признано, что именно права собственности определяют смысл правил игры в обществе, то есть ими во многом конфигурируются сугубо экономические отношения спроса–предложения.

Довольно сложным и спорным является вопрос о соотношении понятий «институты» и «организации». Д.Норт и некоторые другие ученые проводят принципиальное различие между институтами и организациями, поскольку «с теоретической точки зрения важно четко отделить правила от игроков». Конвенционалисты (разработчики упоминавшейся теории «экономики конвенций») предлагают здесь свой способ решения пробле-

мы, опираясь на присутствие во взаимосвязях также фактора конвенций. По выражению К.Бейси и О.Фавро, конвенции «активизируют», или «вдыхают жизнь» в институты, которые, в свою очередь, дают им форму. Организации же «задействуют те и другие в качестве ресурсов для своей деятельности»³.

Важно подчеркнуть, что на практике институты как набор правил игры в сочетании с их интерпретациями невозможно представить вне организационных форм, через которые осуществляется реализация действий субъектов в экономике. В этом плане введенное нами понятие «институциональная база» является неким интегратором, давая возможность анализировать функционирование многообразных институтов в их системе и в увязке с соответствующими организационными формами.

Права собственности и правила хозяйствования устанавливает общество в лице государства, оно же следит за их соблюдением. Но сегодня и в политико-правовой сфере возникают своеобразные рыночные отношения, которые обладают зачастую свойствами «несовершенства» в большей степени, чем любой традиционный рыночный механизм. Из этой ситуации с очевидностью вытекает, что права собственности и иные институты редко бывают эффективными. Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными, замечает Д.Норт. Институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил.

Институты позволяют преодолевать или компенсировать несовершенство рыночного механизма как саморегулятора экономики. Трудными Рональда Коуза и других неинституционалистов были опровергнуты базисные положения «классических школ» экономической науки, исходив-

---

³ См.: О. Киричек. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология / Вопросы экономики, 2010, № 7.

ших из того, что информация, предоставляемая рынком агентам сделок и хозяйственных решений, является беззатратной. Введение в анализ категории трансакционных издержек (состоящих по меньшей мере из двух частей – издержек оценки полезных свойств объектов сделок и издержек обеспечения их соблюдения) позволило обосновать необходимость и рациональную степень участия государства в организации трансакций и добиваться экономии на контроле за соблюдением прав собственности и других правил в экономике.

Значительные продвижения в изучении институтов были сделаны разработчиками эволюционной теории (А.Алчян и др.). Было показано, что институты организации рынка обладают способностью развиваться, так что с течением времени неэффективные институты отмирают, а эффективные выживают и утверждаются. Эти «прогрессивные» изменения институтов, однако, не складываются автоматически, и по этой причине в мире экономики сохраняется на долгие годы много неэффективных институтов.

Государства способны направлять развитие институциональной базы своей экономики в желаемом направлении, воспринимая опыт стран, считающихся передовыми. Вместе с тем, практика копирования институтов не очень оправдывает себя, поскольку довольно часто оборачивается потерей темпа и вызывает лишние траты, не приводя к улучшениям в экономике. Так было, когда страны «третьего мира» или страны «с переходной экономикой» заимствовали институциональные системы стран Запада. Хотя этими государствами и вводились вроде бы те же самые, что в развитых государствах, правила и нормы, к реальному эффекту они не приводили, потому что оказывались недееспособными механизмы их соблюдения.

Нельзя не учитывать, что в реальности даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и обычно самую существенную) часть той совокупности институтов, которые формируют условия поведения субъектов хозяйствования. Неформальные правила пронизывают всю экономическую жизнь и социальные отношения и составляют весьма значимые компоненты институциональной базы экономики в любой современной стране.

Задача государства состоит в рациональной организации институциональной среды, с тем чтобы все субъекты экономики были заинтересованы не только в достижении своих собственных хозяйственных целей, а и в реализации общенациональных целей социально-экономического развития.

На современном этапе в России в качестве генерального направления развития объективно выдвинулась *задача модернизации экономики*, причем модернизации всесторонней, затрагивающей не только обновление производственного аппарата, предельно устаревшего за последние годы, а и активное повышение технологического уровня всех сфер экономики и быта, а также формирование системы институтов, способствующих социально-экономическому развитию.

Модернизация как главное направление экономической политики, обозначающее надежды на лучшее будущее России в противоречивом глобальном мире, широко обсуждается на научных форумах в самых разных аспектах. Основные вехи на этом пути в значительной мере определены и отражены в концепциях и программах социально-экономического развития: в «Концепции – 2020» и в имеющихся проектах её обновления, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и других документах. Наряду с государственными программами и проектами, исходящими от правительственных инстанций, на суд обще-

ственности вынесены также концептуальные документы, выражающие представление о будущем экономики отдельных групп разработчиков: «Россия: образ будущего» (ИНСОР), «Постпикалевская Россия: новая политико-экономическая реальность» (Н.Кричевский и др.), программные разработки, появившиеся у разных политических объединений в ходе недавних выборов. Практически во всех программах и концепциях говорится о модернизации экономики как ключевом направлении, и, в сущности, наборы предлагаемых в них целей и возможные количественные ориентиры модернизируемой экономики не сильно противоречат друг другу. Тем не менее, такие программы авторами подаются как альтернативные текущему курсу политики и наполнены полемической риторикой, затрудняющей реализацию назревших задач.

Что же разделяет существующие программные наработки, в чем действительное различие в подходах? Смысл различий зачастую не в декларируемых целях, а в подспудных мотивациях, выражающих особые экономические интересы соответствующих групп людей, продвигающих программы модернизации. И они «прячутся в деталях», связанных с представлениями о желаемой институциональной среде.

Реальная роль изменений институциональной среды

И само понимание модернизации экономики, и содержание возможных программ по её осуществлению сильно зависят от того, как предполагается поддерживать или изменять институциональную среду экономической жизни. Таким образом, самым сложным вопросом для достижения согласия в обществе относительно программ модернизации является установление рациональных соотношений между двумя группами мероприятий: 1) мероприятий по изменению институциональной среды и 2) мероприятий, служащих непосредственному обновлению отраслей и сфер экономики, которыми обеспечивается конечный эффект.

Особенностью мероприятий первой группы является то, что их проектирование и запуск в действие может происходить относительно быстро, поскольку это достигается принятием тех или иных законодательных актов, разработкой методик и нормативов, организационными решениями и т.п. Однако реальный эффект от них улавливается не очень определенно, причем на него можно рассчитывать лишь через некий лаг времени. В отличие от этого мероприятия, непосредственно выражающие содержательные цели модернизации, более капиталоемкие и трудоемкие в реализации, но зато могут непосредственно контролироваться обществом по результатам. Данные специфические качества разных трансформационных мероприятий нередко весьма активно используются в личных и групповых интересах, фигурантами, играющими весомую роль в выборе вариантов экономической политики в стране.

Трансформация институциональной среды должна распространяться на всю совокупность форм собственности, правил, норм и рамочных общественных условий в стране, которая задает диапазон возможностей в поведении хозяйствующих субъектов применительно к нынешнему этапу истории. На первом месте здесь не случайно стоит *система форм собственности*, предопределяющая облик всей институциональной среды.

И когда (в начале 1990-х годов) в нашей стране встал вопрос о коренной трансформации экономической системы, то вполне естественным образом на первый план выдвинулась проблема трансформации отношений и форм собственности. Широкомасштабная кампания по приватизации объектов государственной собственности, проведенная в России в ходе рыночных реформ, должна была по замыслу сформировать «эффективного собственника». Исходя из заданных представлений, что частная собственность априори всегда более эффективна нежели общественная, приватизацию стремились провести максимально быстро, шоковым образом. Однако этот процесс на деле оказался более сложным и противоречивым,

чем представлялось в начале. Новые частные собственники проявили активность на поприще *эксплуатации* объектов собственности в своих целях, но не на их *расширенном воспроизводстве путем предпринимательской капитализации извлекаемых доходов*. Предпринимательские начала сузились до функции извлечения максимальной прибыли здесь и сейчас, крайне слабо вторгаясь в инвестиционные долгосрочные цели. Выяснилось, что частная собственность не обязательно толкает к прогрессивным изменениям, а может становиться фактором расточительного потребления, расширения прослойки предпринимателей–рантье, т.е. фактором фактического регресса в координатах долгосрочных экономических интересов страны.

Тем не менее, спектр трансформационных предпочтений на длительное время сложился исходя из представлений о решающей роли преобразований форм собственности и соответствующих институциональных мер. Очень сильными у многих были надежды, что сам факт создания институтов, аналогичных существующим в развитых странах Запада, приведет к лучшим результатам в хозяйствовании. Ведущими концептуалистами реформ в России была заданна такая последовательность трансформаций экономики: «сначала институциональные изменения, стимулирующие инвестиции, затем рост инвестиций, далее увеличение выпуска на основе ранее сделанных инвестиций».⁴

В сущности, на протяжении всего периода рыночных реформ в России главным вопросом политики экономических трансформаций был и остается *вопрос о характере институциональной среды*: о типе и структуре собственности, о взаимоотношениях государства и частных предприятий, о характере и возможностях предпринимательства, о правовых нормах, защищающих владение, распоряжение и пользование богатством, о

---

⁴ См.: Вопросы экономики, 2002, № 5, с.9.

вытекающих из всего этого *формах власти* в стране. И даже после недавних выборов, показавших остро критический настрой в российском обществе к политике насаждения частнособственнических отношений, одним из главных приоритетов нового правительства объявлено форсирование «незавершенной» приватизации объектов госсобственности.

Разумеется, невозможно оспаривать наличие теснейшей связи качества институтов в конкретной стране с качеством и эффективностью экономического развития. Вместе с тем, эта связь не автоматическая, ответственность институциональных «усовершенствований» опосредуется их *влиянием на интересы и мотивации поведения субъектов экономики*. Отслеживание подобных связей крайне затруднительно, и на конечные эффекты могут влиять и многие другие обстоятельства, что дополнительно запутывает картину. К тому же сами институциональные преобразования, как это доказано Р.Коузом, далеко не беззатратны, и лаг времени между ними и реализуемым экономическим эффективным слишком неопределенная для разных условий величина.

Итак, надежды на автоматизм созидательного влияния институциональных трансформаций на инвестиционную активность субъектов экономики не оправдали себя в России. Вытекающая из институционального крена реформ недооценка мобилизующей роли конкретных целей и программ, связанных с экономическим ростом и инновационно-промышленной политикой, с социальными результатами весьма негативно сказалась на показателях национального хозяйства в период 1991-1998 гг.

Некий перелом в расстановке приоритетов трансформационных действий наметился после 1999 года, когда на правительственном уровне были выдвинуты конкретные задания по обеспечению экономического роста. Еще более выразительной стала попытка придать целенаправленный характер управлению экономикой через выдвижение (в период политиче-

ской компании по выборам Президента страны в 2006-2007 гг.) в центр экономической политики четырех национальных проектов. Однако эти правительственные инициативы вскоре сошли, к сожалению, на нет.

Приоритеты модернизационной политики.

В связи с обозначенной крайней актуальностью задач модернизации российской экономики сегодня нужна предельная четкость в расстановке приоритетов модернизации экономики как в содержательном плане, так и во времени действий.

Из действующих государственных документов стратегического характера однозначно следует, что переход к инновационной социально ориентированной модели экономического развития – центральный пункт идеи модернизации российской экономики. Это понимание смысла модернизации предопределяет характер целевых проектировок на перспективу, которыми задаются ощутимые параметры роста вложений в НИОКР (до 2,5–3% к ВВП), увеличения масштабов инновационных инвестиций и производства технически передовой продукции и одновременно конкретные социально-экономические показатели, влияющие на уровень жизни народа. Несмотря на разразившийся мировой кризис данные ориентиры стратегии не пересматриваются в сторону послабления. Как было подчеркнуто в правительственной программе антикризисных мер 2009 года, «кризис – не повод отказаться от долгосрочных приоритетов модернизации страны. Такая работа будет активизирована и ускорена. Главная модернизационная задача Правительства – смена сложившейся модели экономического роста. Вместо «нефтяного» роста мы должны перейти к инновационному. Будут поддержаны важнейшие инновационные процессы, включая повышение энергоэффективности экономики. Инвестиции в человеческий капитал – образование и здравоохранение – будут ключевым приоритетом бюджетных расходов. Инфраструктурные объекты, необхо-

димые для повышения эффективности экономики, должны быть реализованы, при этом будет значительно повышена эффективность расходования как бюджетных, так и частных средств».

Итак, относительно целевых ориентиров развития и модернизации экономики серьезных сомнений в обществе вроде бы не возникает, они не подвергаются принципиальной корректировке в связи с осложнением мировой конъюнктуры. Значит, *они могут и должны практически использоваться для измерения продвижений по пути модернизации, а также для оценки деятельности ответственных лиц*. Однако на практике по-прежнему критерии модернизационных действий смещаются (не без участия заинтересованных лиц) в более удобную для многих область – в сферу оценок институциональных преобразований самих по себе, которые проектируются по большей части умозрительно путем копирования институциональных образцов в тех или иных странах и не тестируются через ожидаемые социально-экономические результаты.

Искусственное сведение понятия модернизации к ускоренному подтягиванию институциональных форм до уровня каких-то образцов, считающихся заведомо идеальными, опасно тем, что процесс модернизации может стать бесконечной погоней за «идеальными» формами, поскольку об их результативности невозможно составить объективное представление немедленно после введения институционального новшества. Для этого нужно пройти через тот или иной временной лаг, который может истолковываться субъективно. Кроме того, в случае неудачи всегда найдутся причины списать их на сопутствующие обстоятельства и требовать дополнительных ресурсов и времени для исправления «искажений».

Если все согласны, что генеральной целью и оправданием модернизации экономики является её научно-технологическое обновление, означающее вывод на новые, более высокие уровни конечной эффективности,

когда на каждую единицу затрачиваемых ресурсов производится большее количество продукции высокого качества, пользующейся неизменным спросом и когда улучшается среда обитания людей, то надо руководствоваться правилом, что все мероприятия в рамках государственной политики должны тестироваться и оцениваться по критериям, выражающим данную целевую направленность. Соответствующие требования должны предъявляться государством и гражданским обществом к функционированию всех хозяйственных структур как частных, так и государственных. Именно эти акценты должны закладываться в разрабатываемые документы, программы и мероприятия, связанные с модернизацией экономики.

Условия инновационной активизации корпораций

Известно, что научно-технологические и иные сдвиги в экономике происходят тогда и постольку, когда и поскольку этим занимается все предприятия. В России ситуация далека от этого идеала. В особенности нужно выразить тревогу по поводу фатальной незаинтересованности предприятий в НИОКР и научно-технических инновациях. Первопричина данной незаинтересованности в самой истории возникновения нашего предпринимательского сословия – оно складывалось не в результате свободной конкуренции, т.е. естественного отбора, а во многом путем нездоровой унии лиц, оказавшихся в период массовой приватизации рядом с властными структурами, с тем, что названо государством. Сложившийся слой предпринимателей у нас не несет в себе реального опыта конкуренции на ниве научно-технического новаторства.

Проведенный весной 2011 года «Экспертом РА» анализ инновационной активности крупного российского бизнеса показал, что почти 90% крупнейших российских компаний оказались не готовы детально представить результаты своей инновационной деятельности. Если в практике высокоразвитых стран компании, прежде всего крупные корпорации играют

ключевую роль в финансировании НИР и создании нововведений, покрывая 2/3 и более (в ряде случаев 80-85%) общенациональных затрат на НИОКР, то в России пропорция зеркальная. У нас за счет бизнес структур финансируется ежегодно не более 20-25% вложений в НИОКР. Критическая недостаточность этих цифр становится предельно нетерпимой, если учесть, что вся сумма вложений в НИОКР в России все последние годы была на уровне лишь чуть более 1 процента от ВВП (который у нас по абсолютной величине в 6-7 раз меньше по ППС чем в США), тогда как в США доля затрат на НИОКР в ВВП примерно 2,5-2,8%, в Японии – около 3,3, в Израиле – 4,5%.

До сих пор не сложился у нас и сколь-нибудь значимый в инновационном аспекте и сектор малого предпринимательства. Структурно в составе малых и средних предприятий устойчиво преобладает сектор оптовой и розничной торговли. По количеству предприятий (среди юридических лиц) он по итогам 2009 г. он составлял 41% и по количеству предоставляемых рабочих мест почти 29%. Предоставлением услуг занимались свыше 290 тыс. компаний (18%), сосредотачивающих 16% работников. Третье место принадлежит сфере строительства (12% компаний и 14,6% по численности). В секторе обрабатывающих производств – действовали 10,5% малых и средних компаний (17% по числу занятых). Такая секторальная структура малого и среднего бизнеса, конечно, не вполне отвечает задачам осуществления в стране модернизационного прорыва. Более того динамика доли компаний, занятых в сфере науки и НИОКР была за последние годы отрицательной. Если в 2004 г. такие компании составляли 2,5% от числа субъектов малого и среднего бизнеса (22,5 тыс. единиц), то к 2009 г. общее число снизилось до 12,3 тыс. единиц, а доля упала до 0,75%. На таких компаниях трудилось 78 400 человек, то есть 0,65% занятых в секторе.

Что же может сегодня повлиять на изменение системы мотивов поведения российских корпораций и предприятий, так чтобы они стали активными проводниками в жизнь политики модернизации?

Во-первых, надо серьезно изменить в стране отношение к вопросам стратегического и индикативного планирования экономических процессов. Здесь давно пора снять идеологические штампы, которые вошли в нашу жизнь с критикой советского планирования в периоды старта рыночных реформ. Нет ни одной развитой страны в мире, где бы государственное планирование и управление экономикой не было бы поставлено на деловой основе и где бы из-за опасения прослыть ретроградом какой-то политик или ученый боялся бы предлагать меры связанные с совершенствованием планирования и программирования развития на государственном уровне. Пора пересмотреть явно устаревший закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ. В новой редакции Закона надо четко и во взаимосвязи изложить функции, возлагаемые на процессы прогнозирования, стратегического планирования, программирования, индикативного и целевого планирования экономического развития. Абсурдной является ситуация, когда (чтобы обойти слово планирование) документы в области экономики, утверждаемые правительством, именуются прогнозами. Вполне очевидно, что прогноз как научно-экспертное творение не может быть директивой.

Важно придать необходимый размах работе, связанной с индикативным планированием экономики, в особенности в среднесрочном разрезе. Четкие индикаторы развития экономики на периоды 4-8 и более (по возможности) лет, задаваемые государственными индикативными планами, могут и должны стать действенными инструментами формирования устойчивых ожиданий субъектов рынка и служить стимулами модерниза-

ционной направленности хозяйственных программ российских корпораций.

Во-вторых, необходимо специально спроектировать непротиворечивую систему экономического и морального стимулирования активных продвижений предприятий на пути модернизации своего производственного аппарата, эффективного обновления продукции, создания заделов НИОКР. Введенные за последнее время в этой области меры (предоставление налоговых каникул при определенных условиях, введение компонентов ускоренной амортизации основных фондов, разрешения на прямое отнесение элементов инвестиций на себестоимость и др.) весьма важны, но они все-таки в большинстве половинчаты поскольку находятся под прессом доминирования фискальных подходов Минфина. Стимулирующим мерам в этой области пора бы придать, так сказать, большую щедрость в смысле весомого поощрения смелых и эффективных новаторов и одновременно прибегать к санкциям против тех, кто в этой части пассивен. Далеко не использован в нашей стране в деле воздействия на развитие инновационного предпринимательства потенциал венчурных форм финансирования НИОКР, где роль государства, как показывает лучшая мировая практика, весьма значительна.

Наряду с экономическими инструментами стимулирования инновационной деятельности полезно шире использовать *механизмы морального стимулирования новаторства*. Во время стажировки несколько лет тому назад в Великобритании по теме «Управление государственными финансами» меня и других участников поездки поразило, с каким вниманием государственные органы этой «классически рыночной» страны выстраивали и организовывали систему морального поощрения лучших предприятий страны при помощи специальных знаков отличия, имеющих высокий общественный статус. Почему у нас сегодня в системах стимулирования всерьез относятся лишь к материально-денежным стимулам и совсем ни-

чего не делается для того, чтобы возродить какие-то компоненты общественного соревнования, используя, к примеру, механизмы присуждения отдельным предпринимателям, целым предприятиям и отдельным личностям, добившимся выдающихся результатов на ниве новаторства и модернизации сфер деятельности, каких-то почетных титулов, переходящих знаков и т.п.?

В-третьих, проектируя и проводя в жизнь мероприятия институционального характера, нужно непременно оценивать их ожидаемое и реальное влияние на эффективность работы российских предприятий с учетом конечной пользы для всех потребителей их продукции. Это особенно должно относиться ко всем инициативам, связанным с дальнейшей приватизацией объектов государственной собственности. Необходимость приватизации чаще всего обосновывается инициаторами априори, опираясь на принцип «презумпции ее полезности», или же, делая упор на значимость доходов для бюджета от этих актов. Но аргументы такого рода при принятии конкретных решений в стратегическом плане не могут быть достаточными. Важной практической проблемой, справедливо замечают специалисты в сфере приватизации, «является то, каким интересам государство окажет свою поддержку»⁵. Нужна проработка решений в аспекте долгосрочных последствий новых раскладов прав собственности. В особенности важно оценивать, каковы перспективы перехода приватизированных объектов на траектории динамичного научно-технического и социально-экономического развития.

В-четвертых, исключительно велика организующая и стимулирующая роль конкретных государственных проектов и программ для осуществления значимых для страны научно-технологических прорывов и ударной модернизации отдельных (приоритетных или отставших) отрас-

---

⁵ А.Радыгин, Ю.Симачев, Р.Энтов. Государство и разгосударствление: риски и ограничения новой приватизационной политики» / Вопросы экономики, 2011, № 9, с.12.

лей экономики. Научно-технические прорывные программы, по-видимому, должны быть сконцентрированы на вырисовывающихся уже сегодня направлениях, связанных с формированием шестого технологического уклада. А в числе отраслей приоритетной модернизации под государственным патронажем несомненно должна быть инфраструктура, в особенности, транспорт, а также, по-видимому, ключевые области сельского хозяйства, медицинская промышленность, отрасли, работающие на обороноспособность страны, образование и др.

Такого рода государственные проекты и программы должны формироваться таким образом, чтобы они были гарантированно результативными, для чего нужно предусматривать надежные схемы ресурсного обеспечения и непременно создавать менеджерский штаб, который способен ответственно управлять реализацией проекта (или программы) и достигать поставленных конечных целей. Отбор предприятий и организаций для участия в таких программах (проектах), разумеется, должен строиться на принципах реальных тендеров с учетом репутации претендентов на конкурентных рынках и результативности их работы в иных аналогичных проектах. Сами факты участия корпораций и научных структур в успешных проектах и программах при надлежащей постановки дела со стороны государства будут создавать их благоприятный имидж и способствовать расширению круга хозяйственных, научно-исследовательских и инжиниринговых структур, заинтересованно и квалифицированно включающихся в работу по инновационной модернизации экономики.

Внешняя среда модернизационной политики

Каким образом российская политика модернизации экономики соотносится с состоянием и тенденциями в окружающей страну среде? Прежде всего, теперь приходится все больше внимания уделять гашению идущего извне негатива, связанного с мировым финансово-

экономическим кризисом. И многое здесь (в том числе уровни цен на нефть, к которым у нас привязываются все проектировки среднесрочных социально-экономических программ) для России относится к факторам внешним, трудно предсказуемым. Россия вынужденно копирует антикризисные мероприятия ведущих стран Запада, ориентируясь на открытую информацию, лежащую на поверхности жизни. Отсюда вытекают две опасности: во-первых, вероятность постоянно быть ведомым и всё более отстающим субъектом; во-вторых, вне поля зрения оказываются латентные и не очень афишируемые мероприятия, проектируемые лидирующими странами. Например, у нас в широкой печати практически не освещались весьма принципиальные повороты в политике США относительно закрепления и усиления лидерства в науке и технологиях, обозначенные Президентом Б.Обамой в самый разгар кризиса – в апреле 2009 г.⁶

Российская политика модернизации не может не учитывать факта нашего сильного реального отставания в технологическом отношении по многим направлениям от уровня ведущих стран. Значит, было бы ошибкой осуществлять модернизацию по принципу лишь копирования сделанного в развитом мире. Предпочтительнее действовать (там, где это возможно) *по принципу – «обгонять не догоняя!»* И это пожелание относится не только к технико-технологической стороне модернизации, а и к институциональным преобразованиям.

Окружающий мир, хотя и становится все более глобальным, одновременно продолжает жить по законам жесткого разделения стран и народов по уровням социально-экономического развития. В соответствии с ресурсным потенциалом стран в мире сложился неимоверно большой разрыв в

---

⁶ Выступая в американской Национальной академии наук, Б.Обама заявил: «Я считаю, что это не в нашем, американском, характере – быть ведомыми. В нашем характере – быть впереди. И для нас пришло время снова стать лидерами. ... Мы не просто достигнем, мы превысим уровень времен космической гонки, вкладывая средства в фундаментальные и прикладные исследования, создавая новые стимулы для частных инноваций, поддерживая прорывы в энергетике и медицине, и улучшая математическое и естественнонаучное образование».

общем технологическом уровне между относительно небольшим числом стран-лидеров и рядом среднеразвитых и слаборазвитых стран, многие из которых прилагают гигантские усилия по сокращению и даже ликвидации этого разрыва. Данные модернизационные рывки будут весьма ресурсоемки, но, тем не менее, таким странам как Россия, Китай, Бразилия, Индия и некоторым другим подобные рывки придется сделать, несмотря на то, что потребуются значительные ресурсные траты.

Потенциал инвестиций в модернизацию целиком определяется темпами экономического роста в стране. В Китае не случайно уже более десяти лет среднегодовые темпы прироста ВВП находятся на уровне 8-10%, что обеспечивается одной из самых высоких в мире нормой накоплений. В научно-экспертной среде складывается сейчас мнение, что России нужны темпы прироста экономики более 6–7 процентов в год⁷. Для этого необходима поддерживать высокие уровни капиталовложений. Однако согласно правительственным проектировкам на период до 2014 г. среднегодовой прирост инвестиций в основной капитал составит 7% против 13% в среднем за 2003-2007 гг. По мнению академика А.Г.Аганбегяна, высказанному в докладе на парламентских слушаниях по проблеме модернизации экономики (в форме Кондратьевских чтений) в октябре 2011 г. в Государственной Думе, России необходимо на перспективу норму накоплений довести с нынешних 20-21% к ВВП до 35-40%.

Активная инвестиционная политика, связанная с обеспечением высоких темпов экономического роста, все в большей степени испытывает ограничения со стороны экологического фактора. Критическими в ряде регионов мира стали загрязнения воздуха выбросами CO₂ и другими вредными выделениями, в тяжелую проблему превращается во многих регионах Азии, Африки и Южной Америки, а вскоре и во всем мире нехватка

---

⁷ Дайте подкопнуть жирок для инвестиций / «Эксперт», 2011, № 7, с.15.

чистой пресной воды, конечными величинами (в пределах продолжительности жизни нынешних поколений людей) выражаются публикуемые в литературе интервалы времени, в течение которых будут исчерпаны экономически доступные запасы нефти и газа и т.д. С невиданными до сих пор затратами человечеству все чаще придется сталкиваться при устранении последствий неожиданных природных явлений. Так, астрономы утверждают, что мощные вспышки на Солнце могут вызвать магнитные бури небывалой продолжительности и силы, которые могут надолго вывести из строя спутники связи, прекратить работу авиации и вызвать масштабные отключения электричества. По сообщениям в научно-публицистической печати, например, ожидаемые бури на Солнце могут обойтись мировой экономике в 2 трлн. долл.

В этих условиях все чаще в научных кругах вспоминают подходы к экономике в духе концепции «нулевого роста», зародившейся в свое время в рамках «Римского клуба». При всей заманчивости подходов по ограничению экономического роста на основе международных регуляторов в реальности в ходе обсуждений этой темы просматривается желание инициаторов распространить требования сдерживания роста не столько на тех, кто уже давно и в наибольшей степени создает нагрузку на природу, а на развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, пытающиеся уменьшить свое отставание по уровню экономики от высокоразвитых стран. По этой причине, по-видимому, не удалось полновесно реализовать Киотский протокол – первое глобальное соглашение об охране окружающей среды, базирующееся на рыночном механизме регулирования, механизме международной торговли квотами на выбросы парниковых газов.

В связи с явно избирательным на сегодня подходом наиболее развитых стран к соблюдению международных соглашений, накладывающих те или иные ограничения в сфере экономики и экологии (когда исполняется только то, что отвечает интересам этих стран), у России имеются все ос-

нования воспользоваться прецедентным правом и выстраивать свою экономическую политику в соответствии с национальными интересами стратегического порядка, заключающимися в необходимости как можно более быстро преодолеть отставание по научно-техническому уровню от ведущих стран.

В новых условиях, порожденных мировым кризисом, сосуществуют две противоположные тенденции: во-первых, усиление роли международных, наднациональных форм регулирования экономики, во-вторых, тенденция локализации управления экономикой в соответствии с особыми интересами отдельных стран и их группировок.

Система международных глобальных и локальных союзов и соглашений между государствами в такой степени разрослась и усложнилась, что произошла серьезная дифференциация государств по их мощи и степени регуляционных возможностей во влиянии на хозяйствующие субъекты, действующие на территории их стран. Наиболее мощные и политически активные страны в этих условиях берут на себя миссию главных регуляторов экономических и финансовых процессов, задавая теоретико-методологический базис развития, «обязательный» для всех. Все остальные государства вынуждены прилежно считаться с установками этого теоретического мейнстрима, конечно, иногда отступая от них, но обычно лишь в той степени, в какой они чувствуют в себе силу допускать те или иные «вольности».

По этому признаку можно существующие в мире государства разделить на три группы: 1) государства-лидеры, сосредотачивающие в себе не только наибольшую часть экономического потенциала, но и способные заказывать дорогостоящие прогнозно-концептуальные разработки о мироустройстве (охватывающие текущий, среднесрочный и долгосрочный горизонты) и внедрять эти представления в умы населения; 2) государства,

относительно (но не полностью) самостоятельные в части выбора стратегий своего собственного экономического и социального развития, и вынужденные тратить значительную часть своего ресурсного потенциала на осуществление экономического рывка, который бы позволил уменьшить расстояние от лидеров; 3) государства, смилившиеся со своей ролью ведомого звена в глобальном переустройстве экономики.

Нашей стране настоятельно требуется на данном этапе предельно четко определиться, как мы позиционируем свое место в мире и в работе по назревающему концептуальному переустройству представлений об институциональной базе дальнейшего научно-технологического и социально-экономического развития. Нельзя уже не учитывать, что все больше обнаруживается данных, свидетельствующих о стремительном устаревании теоретического мейнстрима, на котором была выстроена модель устройства и саморегулирования экономики высокоразвитых стран, процветавших во второй половине XX века.

Россия, думается, и в силу своих длительных исторических традиций и в силу пространственных масштабов на планете Земля, а также в силу объективной значимости населяющего ее суперэтнуса не может на данном этапе быть просто ведомым субъектом в концептуально-политическом поиске антикризисных выходов. В силу складывающегося соотношения сил на мировой арене России в случае ее пассивного поведения пришлось бы, скорее всего, смириться с сохранением за нею роли страны третьего мира, поскольку ее территориальное пространство и потенциал природных богатств давно являются вожделенным ресурсом для внешних сил в их стремлении перейти к сверхинтенсивному потреблению этих природных богатств отнюдь не в интересах народа России. Положение сегодня осложняется тем, что достигнутый на Земле уровень эксплуатации запасов ресурсов и природой среды близок предельному, а Россия в этом плане еще имеет некоторые резервы.

Вырабатываемая сегодня государственная политика модернизации должна опираться на лучшие достижения мировой науки и управленческого опыта, но она должна быть продуктом высокого творчества со стороны правительства и всех интеллектуалов России, продуктом, содержащим ответы на вызовы, предъявленные историей стране и ее народу. Она должна быть активным проводником в жизнь инновационного типа экономического развития.

Автор: Кушлин В.И., доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный экономист Рос-
сийской Федерации